

“поселение” при “Табаре” вызывает сомнение исследователя. С. Е. Малов при переводе текстаставил после названия Т(а)б-(а)р знак вопроса, а В. В. Радлов вообще опустил это слово при переводе надписи [Малов, 1951, с. 41; Radloff, 1897, с. 142]. Судя по воспроизведению рунического текста, оно безуказилено со-впадает с соответствующей триграммой на фотографии и эстам-паже текста в “Атласе” В. Радлова [Радлов, 1892]. Здесь имело место сознательное искажение действительного обозначения ме-стности **Чалас** почти неотличимым написанием **Чалас** тавар.

* * *

Следы таласского происхождения манихейской проповеди от-мечены в источниках. Судя по первым известиям, термин *чилиль* вначале был обозначением манихейской “школы”. Можно пред-положить, что он восходит к среднеперсидскому *čihil* “сорок” (ср. тюрк. отуз оглан “тридцать юношей”) – недаром Махмуд Каши-гарский воспроизводил его народную этимологию, исходившую из средств персидского языка. Впоследствии он стал обозначе-нием тюркских племен “от Джейхуна до Чина-Китая”, приняв-ших манихейство. “А это ошибка”, – писал он. В этих словах, несмотря на их информативную значимость, кроется и преду-преждение: мы никогда теперь не узнаем подлинного названия тюркского племени или племен, обозначенных этим словом. Первое упоминание о чилилях занесено в “Историю династии Суй”, (581–680 гг.) [Вэй Чжэн, 1958, с. 840, л. 18 а; С11536, 13342 чжи-и <tšiak-iæt>čigil; Hamilton, 1962, с. 26]. Оно точно и многократно воспроизведено в памятниках буквенного письма. Во всех послед-дующих китайских свидетельствах о них транскрипция и звука-ние термина *чилиль* изменились. Это было вызвано действием конфуцианского принципа “исправления имен”, согласно которо-му имя должно соответствовать сущности вещи или качествам того, кто носит это имя. Транскрипция иноzemное название, многознающие чиновники императорских ведомств подбирали для этого те иероглифы, значение которых наполняло содержанием

транскрипцию. Иногда стремление соблюсти этот принципшло в ущерб точности фонетической записи, как это случилось с термином чилиль. Он стал записываться знаками С10865, 5846 чу-юэ (<chjio-ngíwat>cüngül; ср. хот.-сак. синуда) со значением “жилище (богини) Луны”. В VII в. чуюэ, как правило, упомина-лись в паре с племенем С10865, 1620 чу-ми (<chjio-njet, ср. тюрко-маних. сингүл, čamili [Zieme, 1975, с. 62–63]). В это вре-мя и позднее знаком ли (<njet>) передавалось имя бога Солнца Мирх (Mîhr). Смысловое содержание этой транскрипции “жи-лище (бога) Солнца”, а звучание chjio-njet передает сünil (ср. хот.-сак. синуда, синуда), соответствующее известному чи-муль мусульманских писателей. Рифмованность этих имен вместе с пар-ностью упоминаний должны указывать на “близнецность” самих понятий Луны и Солнца.

В середине VII в. чилили (чуюэ), чумулы (чуми) и карлуки (гэлолу) обединяются под началом западнотюркского ябу по имени Хэлу в его антитанском выступлении. Слово С13865, 2616 хэ-лу (<ya-lou>) без затруднений сближается с тюркским *arу/ары* “чистый”, “светлый” [Севорян, 1974, с. 184–186]. Оно тож-дественно тюрко-манихейскому агүй (ср. arıy dintar “чистый свя-щеннослужитель”). Ставка/орда Хэлу располагалась в долине Таласа (Долосы чуань) “в 1500 ли прямо на север от Си-чжоу” [Гаочан, Турфан; Ду Ю, гл. 199, л. 86]. В другом труде это расстояние определено в 15 дней конного хода [Лю Сюй, 1958, гл. 195, с. 1449, л. 2а]. Эд. Шаванн локализовал этот далекий от семиреченского манихейский Талас в долине верхнего Чёрного Иртыша [Chavannes, 1903, с. 32–33, 306]. Обстоятельный анализ прямых и косвенных свидетельств по этому предмету был про-изведен М. Накто, привлекшей китайской и древнетюркской ма-териал, но упустившей из виду показания других источников. В “Диване” Махмуда Кашигарского два раза упоминается местность سےڭىز كەمى-تالاس “на границе мусульманского мира”, “на границе (турфанских) уйгуров” [МКМ, I, с. 347; III, с. 243]. Название той же местности несомненно присутствует в

не понятом переводчиками написании в труде Рашид ад-Дина “Джами’ ат-таварих” (“Сборник летописей”) (надо: *الرجامى تراكتارىخ*) – Кеми-Тарас) – местности в ассоциации с Синим Иргышом на Алтае [Рашид-ад-Дин, 1965, т. 1, кн. 1, с. 292]:

“Места, на которых они (найманы) сидели, таковы: Большой (Екэ) Алтай, Каракорум, ... горы: Элуй Сирас (надо: Кеми-Тарас) и Кок-Иргыш (Синий Иргыш)...” [Рашид ад-Дин, 1965, т. 1, кн. 1, с. 136–137]. Возможно, что эту же местность имел в виду венецианец Марко Пало, называя ее Чили/Чингин-Талас: “Область Чигин-Талас (Chingin-Talas, Chiggin-Talas) лежит на краю Пустыни, между севером и северо-востоком, принадлежит хану и тянется на 15 дней пути” [Путешествия, 1993, с. 74].

Конкретное указание на эту область находим в дневнике географической экспедиции профессора Томского университета В. Сапожникова, обследовавшей верховья Иргыша в 1908 г.: “Въше Сайлюкема долина Синего Иргыша сильно раздвигается; переслав вал морен, который раньше служил естественной плотиной для озера, вы видите широкую, отчасти болотистую долину, по которой извивается покойная река. Хребты, окаймляющие долину, стали выше, а лес сильно передел. В 5 часов мы прошли мимо боковой долины Чеган-кол, прорезавшейся в западном хребте; ее устье обозначено белыми отложениями, вероятно, ледникового лесса. Прошли еще верст пять и в шесть остановились на ночь против высокого лога западной стороны, который называется Чеган-Дарас” [Сапожников, 1911, с. 184]. Название чигин и чеган – это монгольское слово *чаган* “белый”. Оно отражает основное понятие манихейства, о чем говорилось. В XIII в. ча’ат *چاٹ* (форма мн. ч. от монг. *ča* ‘ап “белый”) было названием ханского рода джалаиров Внутренней Монголии, прямых потомков манихейских яглакаров Северной Монголии. Термин *чаган* был обозначением “белых татар” онгутов или шато-чигилей [Зуев, 1972, с. 183]. Древнетюркский термин *кеми* “лодка, судно”, корабль в составе Кеми-Галас нельзя рассматривать с позиций речного судоходства в верховьях Синего Иргыша. В манихейской доктри-

рине кораблями Света назывались Солнце и Луна. Солнце – Корабль дна и Корабль живого, плодотворного Огня. Луна – Корабль ночи или Корабль живых божественных Вод. Это не только Светочи, но и движущиеся обители божеств.

* * *

Видимо, не без влияния семиреченского манихейства воздвигался город Талас (Долосы-чэн) в долине реки Орхон (Укунь, Кунь) во Втором тюркском каганате. Источник сообщает о нем лишь Мимоходом при описании событий, непосредственно предшествовавших падению тюркского государства. В 743 г. объединенный отряд уйгуров, карлуков и басмылов “напал на город Талас и переправился через реку Орхон (Кунь-шуй); Озмыш был обезглавлен” [Оуян Сю, 1958, гл. 133, с. 1110, л. 5а]. Это упоминание восточнотюркского города Талас единично и, казалось бы, не дает основания говорить о нем как о центре притяжения манихейства в этой области, подобно Таласу семиреченскому. Но Кашгарского, что чигилами стали называть все тюркские племена, принявшие манихейство, следует соответствующим образом оценить название восточных тюрков *чигиль-тюрк* [Ван Цинъко, 1960, гл. 971, с. 11405, л. 1а], приславших осенью 712 г. дань в числе других государств (Синьло-Сила, Шивэй-Тата, Турфан-Тибет, Юйтань-Хотан). Уровень этой государственной дани – не каганский, а манихейский. В противном случае не было бы необходимости добавлять определение чигиль.

Отступление об аштаках. Присутствие согдийцев в каганатах было значительным с первых лет древнетюркской государственности [Мори, 1967, с. 64–93]. Особенно заметным оно стало в годы правления Эль-кагана (Сели, 620–630 гг.), который “действовал так, как было выгодно согдийцам-ху”, отстранив согдийцев от управления страной, заменив тюрков согдийцами на важных государственных должностях и под. [Лю Сюй, гл. 194а, с. 1437, л. 4б;

Оуян Сю, гл. 215а, с. 1500, л. 6а]. Усилилась и миссионерская деятельность согдийцев. Известна, например, согдийская колония Гат-аштак (кит. Та-ашидэ) [Ван Пу, 1958, гл. 72, с. 1307]. В источниках отмечен факт, что мать известного согдийского по-встанца бухарского происхождения по имени Рохдан “Свет” (Ань (Лулань) была “из фамилии Ашидэ”, вела манихейскую проповедь (“шаманство”) среди туззое-торков и сама считалась торчанкой [Лю Сюй, гл. 200а, с. 1500, л. 1а; Pulleyblank, 1955, с. 7–8].

В 622 г. появляются первые известия о фамилии части тюркских вельмож Ашидэ [Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 984, 993; Liu Mau-tsai, с. 136, 139]. Слово аштак (аشتак <ср.-перс. aždahak) значит “дракон”, что подтверждается его тамгой, изображающей многоголового змея/дракона. В первом известии (622 г.) его представитель носит титул йарын. В манихейском мире Смешения царь Мрака – дракон скован силами Света и в созне с ними существует в сотворении человека. В известном смысле он раздаивается и обретает как бы отрицательно-положительные черты, а его основной идеей могут считаться уже процитированные слова второго Таласского памятника: “Мое геройское имя Кара-чор. [Мое] почетное имя – “Мрак – не согреши!” (Qara-jazmaz)”.

В единственном сохранившемся кратком фрагменте генеалогического мифа аштаков в сочинении “Юань-хэ син щэуань” [гл. 5, л. 6б] и “Тун чжи” [гл. 29, л. 156] говорится: “Ашидэ суть особое наименование потомков Шань-кагана, жившего при начале туззое” [ср. Hirth, 1899, с. 11; Pulleyblank, 1952, с. 332]. Это выражение – не светского характера: торкские каганы могли быть только из племени амина. В китайском манихейском трактате из Дунхуана [Chavannes, Pelliot, 1911, с. 591–617] иероглиф С1981 шань “добро” использовался при обозначении светлых судностей. Главная из них — Шань Mu “Мать Добра”. Она же Мать живых, первое выражение творческой энергии, эманация Отца Света в других версиях. Чтобы дать отпор агрессивным силам Мрака, вторгнувшимся в мир Света, Отец создает отважного воителя, светоносного Первочеловека, немедленно отправляющегося на борьбу с врагами. В написанном самим Мани

труде “Шапуракан” и в турфанских манихейских текстах ему дано имя благого зороастриского бога-воителя Ормузд. В середине IX в. и позднее это имя носили уйгурские каганы-манихи [Hamilton, 1955, с. 153; Малыкин, 1983, с. 26, 85 и др.]. Его же можно увидеть в транскрипции С7696, 10474 Умо (<ио-тиат> – имени аштакского вельможи при ставке Эль-кагана [Liu Mau-tsai, с. 139]. В скованном и заключается смысл имени Шань-каган, Первочеловека – Ормузда.

Этим содержание фрагмента об аштаках и “начале туззое-торков” не исчерпывается. В отечественной сино-торкологической научной литературе пока еще мало известен генеалогический миф, который принадлежит. Предков туззое звали Имо-Шэми и Дух моря/озера. Дух обитал на западе от пещеры Ашидэ. С Имо происходило нечто сверхъестественное. Каждый день при закате солнца дочь Духа моря уводила Имо, принявшего облик белого оленя, в море, а поутру выводила из него. По прошествии нескольких десятилетий племя как-то собралось на большую охоту. В полночь (дочь) Духа моря сказала Имо: “Завтра, во время охоты у пещеры твоих предков, в ней родится белый олень Золотые рога. Если попадешь стрелой в этого оленя, то будем жить с тобой вечно, но если промахнешься, наши отношения прервутся”. С рассветом установили ограждение. Из пещеры рождения (предков) действительно вышел белый олень Золотые рога. Имо повел своим людям укрепить ограждение, а чтобы спастись [олень] хотел одолеть его. И тогда его убили. Разгневавшись, Имо своими руками отрубил голову предводителю (племени) ами и дал клятву: “После того, как я убил его, необходимо приносить человека в жертву Небу, брать для этого его сыновей и внуков из племени ами, и, обезглавив, приносить их в жертву!” И поньне туззое-торки, принося перед своим знаменем человеческую жертву, обычно используют для этого племя ами. Обезглавив (предводителя племени) ами, Имо вечером вернулся к морю. Но дочь (Моря) отомстила ему: “Ты своими руками срубил голову человеку. От тебя несет кровью! Я разрываю наши отношения!” [Дунь Чэнши, 1936, гл. 4, с. 30–31; 1981,

с. 44; Ли Фан, 1959, гл. 480, с. 395б; Цзянь Чжунмянь, 1958, с. 641–642]. Имеются опыты правильного (в части разбивки неразделенного написания имен, от которой зависит все понимание текста) прочтения китайского текста этого мифа и сделан ряд несхожих заключений [Sinor, 1982, с. 230–231; Се Цзунчжэн, 1992, с. 41, 54–55; Жуй Чжуаньмин, 1994, с. 51–58].

Приведенный древнетюркский миф был возрожден кровавыми событиями 716 г., когда была сделана так и не удавшаяся попытка сменить солнечно-лунное династийное соправление каган-катун (соответственно племена ашина и ашидэ) солнечным каганским моноправлением (племя ашина). Термин ашина (<хот.-сак. *assemā* “синий”,ср. тогл. *pīðan*, перс. *nīlān* “голубой”, тюрк. *kök* “голубой”) встречается в сочетаниях ашина-цэюй (<ашина-кок) и ашина-тузатое (ср. *kök türk*). Родом этого племени, впоследствии автономизировавшимся и непосредственно делегировавшим каганов в состав династии, был шардулы (<ср.-перс. *zāg* “золото” + дулы “птица”; кит. *шэли-тули* <*sīa-ljì tuò-ljì*;ср. образ “жар-птицы”) [ср. Акишев, 1984, с. 133–134]. Этой “Золотой птицей” был встречающий Солнце Красный Ворон, т. е. Ворон, оперенье которого в лучах восходящего солнца кажется красивым, золотым. “Красный Ворон” был символом восходящего Солнца. Его изображение в виде распостершего крылья орла помещено на тиаре древнетюркского принца Кюль-Тетина [Шер, 1966, с. 19, рис. 12]. Таким образом, появляется возможность конкретизировать образ божества Неба-Тенгри, которому поклонялись каганские торки. Это – Утреннее голубое Небо в лучах восходящего Солнца.

Другим символом Солнца у древних тюрков был священный Олень, о котором в 629 г. писал Сюань-цзан при посещении летней ставки западнотюркского Тон-йабгу-кагана в местности Тысяча ключей (Мерке). “Там множество оленей, многие из которых украшены колокольчиками на ремнях. Они привыкли к человеку, поэтому не боятся людей и не очень-то убегают. Тюркский каган любит их и запретил своим подданным убивать их; кто убьет, тот будет казнен без пощады” [Зуев, 1960, с. 91]. В золотых

рогах-лучах благородного олена помещалось Солнце, спускавшееся при закате в море и выходившее из него при восходе. Это и есть белый (священный) олень Золотые рога приведенного мифа. Его имя Имо-Цэли (<*jäk-miā šā-ljì* <**jauma šar*) во второй части (*šar* <ср.-перс. *zarr* “золото, золотой”) напрямую связано с китайским обозначением Цзинь-цэюе “Золотые рога”. Первая часть сопоставима с древнетюркским юяупа “нападение”. Из соображенний защиты подлинного облика священной персоны, какой является Белый олень Золотые рога (и тем самым не дать точный адрес для нанесения ему вреда со стороны злых сил), он был табуирован и представлен схематическим изображением козерога в навершиях Большых надписей.

Судя по контексту, миф был изложен представителем каганских ашина, ставших смертельно враждовать с катунскими ашидэ-аштаками. Приводя имя владыки пещеры предков (т. е. женского лона Матери-Земли) дракона Ашидэ-Аштак, он сознательно исказил название племени ашидэ, что отразилось и в китайской его передаче, – чтобы у слушателя-читателя не создавалось впечатления, будто аштаки и добрый владыка пещеры, где родились солнце-олени, – две ипостаси одного явления. В XIX в. Г. Н. Потанин записал среди черневых татар сказку о драконе Каракула (он же Катын-джула “Дух реки”) и бездетном Карагты-кане, обладающем тайгой (высокой горой) и желтым морем (сары далай). Однажды пошел он в тайгу и услыхал гром, издаваемый Каракулой, драконом. Каракула требовал повиновения и данни. Согласившись с этим требованием, Карагты вернулся домой и обнаружил, что в его отсутствие жена родила сына по волеизъявлению Каракулы, обитавшего в Сут-коле (Молочное озеро), вмещающем детских душ [Потанин, 1893, с. 371–372]. Аштак, Дух моря, его дочь и катунское племя аштак составляют единный комплекс. В тюркском мире тех лет термин аштак – исключительно манихейский. Если хронологическая глубина мифа действительно достигает времен “предков”, то трудно переоценить такую его дату проникновения манихейства в тюркскую степь.

Изобразительным эвфемизмом Дракона является *Змей* (иногда трехглавый) в нижней части древнетюркских памятников. Тюрки-ширы были катунской фракцией в составе династичного соправления в каганате “каган-кагун”. Их представителем в эти годы был соправитель-айтучи Тоньюкук. Тоньюкук был главнокомандующим (ата тарканом); выполнению этой функции посвящена значительная часть его надписи. Но главное – он *соправитель*, без учета его мнения не должно предприниматься ни одно дело государственного уровня. Он настолько сведущ в обстановке внутри государства, что “знает, какой бык жирный, а какой бык тощий”. Его мнение должно быть доведено до сведения кагана и принято последним к исполнению. Он – *айчучи*. Это слово – из манихейского обихода. В Уйгуро-манехийском тексте *X* в. так называлось ближайшее лицо “божественного учителя” – архиепископа (*tengri možak*) іш айчуци, – проповедник, отвечающий за экономические вопросы, высший член администрации “дома”-манистана [Ziemele, 1975; Гэн Шимминь, 1983]. В начале XIII в. сан *айчучи* отмечен у знатных легией-манихеев государства Кою [Сун Лянъ, гл. 36, с. 432, л. ба; гл. 133, с. 1533, л. ба]. В верхней части его прикизенной надписи в местности Банженского лона – треугольник острым концом вниз [Радлов, 1899, табл. 59]. Манихейский царь сил Мрака львиноголовый Дракон, несмотря на свою скованность силами Света, продолжает господствовать в материальном мире, в мире Смешения и плотского человека. Тюрки-ширы Тоньюкука выступают в его надписи как олицетворение владыки земель и народа всего государства. Пространство каганата – это “земля народа тюрков-широв” (Гон, 3, 11, 60). В этом свете становится ясно, от каких “чилей-тюрков” были посланы в Чаньнь подарки (“дань”) осенью 712 г.

Отметим очевидный иранизм обозначений льва и дракона, что указывает на среднеазиатский очаг манихейства, путь которого на восток лежал через семиреченский Талас. Это и могло стать побудительной причиной создания его двойника на берегу Орхона по имени Талас.

После смерти Капаган-кагана (Моцко, 691–716 гг.) в государстве с особой силой разгорелась борьба за каганское моноправление без участия соправителей-широв в династических делах. Ширы были изгнаны из каганской ставки (“истреблены”) и подверглись жестоким репрессиям, “служившие при нем вожди (щючжан) во множестве вступили в подданство. Их поселили в области Хэцзой (северо-восточный угол Ордоса)” [Ван Циньжо, 1960, гл. 366, с. 4357, л. 146]. В манихействе земные вожди (властители, стоящие ступенью ниже царей) находятся во власти духа мира *Огни*, Этот дух имеет образ Льва. Их племя называлось элиз или арслан-элиз [седе, аде = ediz; Hamilton, 1955, с. 2], как это следует из имени их предводителя Арслан-элиз Сыгтай [Асилань-седе Сыгтай; Лю Сюй, 1958, гл. 103, с. 872, л. 2 б; Оуйян Сю, гл. 133, с. 1108, л. 1 б; Liu Maotsai, 1958, с. 275]. Вопреки неутешительному прогнозу Махмуда Кашигарского, найти мирское имя манихейских тюрков-широв Тоньюкукаказалось возможным: они были эизами или арслан-эизами. Под этим названием и в прежнем тюрко-манихейском качестве ширы Тоньюкука они принесли участие в создании Уйгурского каганата в 745 г. и принесли с собой манихейство.

* * *

По мнению Паула Пельо и Эдвина Гуллиблэнка, эизы входили в состав Уйгурского каганата с первых дней его существования [Bellot, без места и года, с. 17; Pulleyblank, 1956]. Прямых известий об этом нет, и можно только предположить, что они были включены в состав каганского племени юглакар на правах его женской (катунской) половины.

Судьба эизов своеобразна. Глемя элиз (кит. аде, седе) – огузское или телэ [тетерг: Hamilton, 1962]. С вхождением в состав Первого и Второго тюркских каганатов они, оставаясь огузами, обрели новые полтоними-религиозные названия: тюрк-элиз, аштак

(~шир), арслан-эдиз. В последней строке надписи Тоньюкук заявляет: “Тюркский Бильгэ-каган возвышает народ тюрков и народ огузов”. По традиции, восходящей к юэчжийской гинекократической поре, когда земля и народ воспринимались как главные атрибуты материнско-правовой семьи в государственном масштабе, эдизы составили катунскую-царицынскую фракцию в династии коалиции тюркского государства. С падением государственных структур земля и население не исчезают, а становятся главной материальной основой для создания новых образований. В прежнем огузском этническом, религиозном и социальном состоянии, но обладая тюркской государственной памятью, эдизы вошли в состав Второго Уйгурского каганата. Эдизы-огузы (часть объединения “девятифамильных телэ”, т. е. токуз-огузов) вошли в состав государства уйголов-огузов, тоже части токуз-огузов. В этом смысле не может быть речи о тюрко-уйгурском государстве. В нем они занимали высокие посты (да чэнь) и “стали называться уйгурами”, но даже через пять столетий, уже в государстве Кочо, помнили о своем предке Тоньюкуке, арслан-эдизе и манихее.

Показательна запись 745 г. в “Изначальной черепахе” об убийстве последнего тюркского кагана Юргунг-бега (с китайским именем-переводом Баймэй “Белобровый”) уйгурским Сылыг-боила (Сыли-пэйло, первый каган, в летописи Гули Гэйло) и его “младшим братом” (эдизом) Арслан-эркином (Аслилань седзинь) [Ван Цинъю, гл. 975, с. 11457, л. 20а].

Знатный дом орхено-селенгинских по происхождению уйгиров-маннхеев Турфанского княжества назывался Ūrung Arslan duday (кит. Юйлун Асылань дуда) [Кэ Шаоминь, гл. 29, л. 76]. Согласно Бируни и Мукаддаси, согдийским названием льва было (šaraq) [Henning, 1958, с. 114]. В бассейне реки Куру Бакайир (Кыргызстан) зарегистрировано наскальное изображение [Джумагулов, Кляшторный, 1983, с. 81]. Тюркским его соответствием было *šaraq. Основываясь на сказанном, можно уточнить чтение 8-й строки эпиграфической надписи уйгурского Элетмиш-кагана: “Я

повелел учредить там белый дворец Шарак (“Лев”) и ставку. Я повелел воздвигнуть там стены” – (а)q š(a)r(a)q ordu örgin (a)nda it(i)td(i)m c(i)t(a)nda toqitdim [обсуждение см. Klyashtorny, 1983, с. 339–340]. Семантически и структурно выражения ürüng Arslan duday “белый дом/семья Арслан” и аq Šaraq ordu “белый дворец Шарак” идентичны.

Если не считать весьма сомнительного прочтения знаков 𐰃 𐰃 Isr = el̄er~elser (<el̄ ser?~el̄ ser?) в Тэсинской надписи Бёгю-кагана [стк. 20; Klyashtorny, 1985, с. 153, 155], уйгурским каганским надписям термины šig arslan “лев”, “дракон” неизвестны. Возможно, их отсутствие компенсируется предложенной реконструкцией аq Šaraq ordu в Терхинской и Тэсинской (стк. 19) надписях. Но манихейские арслан-уйгуры Турфанского государства это, как увидим, несомненные потомки тюрков-широв (арслан-эдизов) манихеца Тоньюкука. В уйгурском Гань-чикуском княжестве это [эдизы]-“драконы” лүн-дэя [Оуян Сю, 1958, гл. 74, с. 456, л. 106]. Китайский иероглиф 𢂵 𢂷 𢂸 𢂹 лун (long), “дракон” передавался хотанским словом Dün. “Мы уйгуры и Dün, – двух против... Мы, которые суть уйгуры двух частей, мы стали черными врагами”, – говорится в хотанском Донесении о событиях в Ганьчжоу [Bailey, 1949, с. 33]. В точном соответствии с китайским лун “дракон” названо девятое (из десяти) уйгурское племя چىڭلۇنг на реке Камынчу в период после переселения части уйголов на восточные склоны Большого Хингана: “Камланчу – название небольшого городка близ реки Ики (öky's)” [Рашид ад-Дин, 1965, с. 335; ср. МКМ. III, с. 260].

Уйгуро-манихейский дракон известен также в ипостаси индийского дракона Rahu (санскр. Rahu). Однажды боги-небожители, рассказывается в мифе, решили отведать напитка бессмертия амриты. К ним пристроился и дракон Rahu, принявший облик бога. Солнце и Луна заметили обман, когда оптикая драконом амрита уже дошла до его горла. Они тут же сказали об этом своему главе Вишну, который в гневе отсек злоказненному Rahu голову своим острым и губительным для врага диском-чакра. Тело

дракона рухнуло вниз, и земля содрогнулась при его падении. А его голова, успевшая отглотнуть напитка бессмертия, вознеслась на небо и стала планетой. Пытая ненависть к Солнцу и Луне за раскрытий обман, она то и дело старается проглотить их, отчего и происходят солнечные и лунные затмения [Эрман, Гемкин, 1978, с. 33, 209; Неклодов, 1992, с. 99–100].

В тюркском астрологическом тексте из Турфана эта планета затмения называется *Raxu* [Rachmati, 1936, фрагм. 16]. Уйгурами IX в. было *Раку* (С2287, 3007 ло-гу <lák-kuo>-taqu). Негативное отношение к дракону *Раку* объяснимо, если учесть, что в манихейском вероучении Солнце и Луна особо значимы. В китайском источнике термин *Раку* встречен лишь однажды, в сочетании с этонимом элиз.

После падения Уйгурского каганата значительная часть его племен переместилась в области на севере от реки Хуанхэ. Среди них названа группа, в которую входили: племя уйгурской принцессы (гунчжу) Бильгэ-кагутун, племя внешнего министра (ван-сан) всех *раку*-элизов и племя *Джо Мони* [Лю Сюй, гл. 195, с. 1455, л. 136]. Выражение “все раку-элизы” (чику логу-аде) говорит о присутствии в этом племени и династийной фракции арслан-элизов (шир/шер-элизов, так как понятия лез и дракон адекватны и взаимозаменяемы. Иероглиф *Джо* был китайским обозначением Кабудана или Иштихана и их торгово-миссионерской колонии в каганате. Транскрипция С1810, 14183 Мони отражает имя Мани и манихейства.

“Царским” родом Уйгурского каганата был йаглакар, но лишь в одной из лапидарных уйгурских надписей, Сэврэйской (стк. 4), он назван полностью – Йаглакар-каган. Второе упоминание относится к середине IX в., когда Уйгурский каганат уже пал в результате уничтожительных действий и написка кыргызов. Первая строка кыргызской Суджинской надписи начинается словами, похожими на тюрко-манихейскую формулу түрк шыр бодун жери (“земля народа тюрков-широв”): шыр жерине яшылаң qan ata keltim – “Изгнав йаглакар-хана из земли уйгуров, я пришел”.

На “царском” уровне термин элиз вспльвает лишь в 795 г. в связи с прекращением династии Йаглакар и интронизацией Куттуга. Он был из племени элиз, которое “из поколения в поколение” (или “традиционно”; кит. С1363 ши) имело заслуги под фамилией Йаглакар и “не осмеливалось называть (по имени) свой род [Оуян Сю, 1958, гл. 2176, л. 106]. Это восьмой каган в истории государства. Один из его предшественников был *Талас* (кит. Долосы). Эта летописная характеристика серьезно меняет представление о роли элизов в каганате в период с 745 г., когда Арслан-эркин вместе с йаглакаром Сылыг-бойла создавали каганат, и до 795 г., когда место места йаглакаров заняла династия элизов с их тюркской государственной памятью. Ко времени создания каганата уйгуры уже располагали своей камнеписной традицией – уйгурским письмом, примером чему служит Уланкомская надпись, мемориант которой Богаз-тегин скончался вскоре после битвы с тюргешами при реке Болчу [Чербак, 1961, с. 23–25].

Однако известные сейчас древнеуйгурские каганские надписи исполнены древнетюркским руническим письмом. В первой строке большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина принц Иоллут-тегин сообщает о тюркских предках Бумын-кагане и Эштепими-кагане, действительных и вполне исторических основателях Первого тюркского каганата [Малов, 1951, с. 23, 36]. В 16-й строке при жизненной уйгурской Терхинской надписи Элетмиши-кагана (747–759 гг.) предками уйгуров названы три кагана: Йоллут-каган, (Эштеми-каган?) и Бумын-каган [Киуаштоту, 1983, с. 342, 345].

Многозначительно имя автора надписи: Бюкя Тугам. В древнетюркском языке слово *bükä* значит “длинный большой змей” (~ “дракон”) [МКМ, III, с. 247], а тутам – “пригоршня”. Возможно, словом *bükä* обозначалась тамга на памятнике сыну Элетмиша, Бюкю-кагану, в виде трехголового змея [Киуаштоту, 1985, с. 143], явно тождественная там же племени элиз (аде) по тексту “Сводного обозрения династии Тан” [Ван Гу, гл. 72, с. 1306].

нихейский признак, круг полной луны. В ее поминальной редакции в приселенгинской местности Могоён Шине усу (“Эмейнай”; Селенгинский камень, рис. 7) в верхней части памятника на его лицевой стороне изображена целая композиция. Центральной фигурой является ромб острыми углами вниз и вверх – это все-ленский половой символ женского начала. В левой стороне и чуть выше изображен, как и в Терхинской надписи, вертикально стоящий серп молодой луны. Справа от ромба, и чуть ниже, расположено часто встречающееся в памятниках изображение детской ляльки с двумя растянутыми по сторонам веревками для ее призвивания между двух берез (рис. 8). Над лялькой свисает трубка для кормления младенца березовым соком [Ramstedt, 1913. Taf. II, 1]. О такой колыбели говорится в эпосе “Маадай-кара”:

В тень шелестящую берез

Мадай-кара сынка принес

И в тальниковой ляльке там

Подвесил к четырем стволам.

Взял в руки острый нож-томрок,

Зарубку сделал на суху,

Чтобы березы сладкий сок

Стекал по трубке в рот сынику.

На оборотной стороне, как и в Терхинской надписи, написан круг полной луны, символ манихейства. Без ляльки это изображение отмечено как тамга уйгуров Утекена, т. е. каганских уйгуров в китайском источнике [Ban Pu. Tam же]. Эти пунктиро изложенные данные помогают воссоздать картину. С первых лет существования во главе государства была династия Иаглакар, представлявшая собой этногамную коалицию двух взаимно брачующихся консорций – йаглакар и арслан-эдиз, каган и катун, при очевидном преимуществе эдизов.

Под знаменем йаглакаров каганские функции выполняла катунская фракция арслан-эдизов. Эта ситуация нашла отражение в арслан-уйгурской версии “Огуз-наме”, в которой, как и положено для боев в манихействе, в сотворении будущего уйгурского владыки Огуза мужчина участия не принимает: “Да будет он! – сказали.

Бог его изображение (в парижской рукописи следует изображение быка; Радлов, 1893, с. 63). Затем обрели радость. В один из дней озарились глаза Ай-каган, и она родила сына Огуза”, который назвал себя уйгурским каганом [Шербак, 1959, с. 22, 33].

Считается, что учение Мани проникло в каганат и приобрело статус государственной религии лишь после поездки Бёю-кагана в танскую столицу в 762 г. [Литвинский, Смагина, 1992, с. 524; Фэн Цзяшэн, 1955, с. 34–36; Bang, Gabain, 1929]. Это не со-

всем так. Непосредственным источником уйгурского манихейства были арслан-эдизы, тюрки-ширы Второго восточнотюркского каганата. В “Истории Дома селенитских уйгуров в Гаочане-Кочо” Оуян Сюань писал, что предка селенитских уйгуров звали Тоньюокук, он был тюрк. Он выдал свою doch за Модзильянь (Бильге) кагана, и она стала Себек-катун. Когда прежней страной Модзильяня завладели уйгуры, потомки Тоньюокука вошли в их государство и стали в нем важными сановниками. Их звали шир, на языке Хань это С11739, 12072 Ҵувань – колония своихников императора со стороны императрицы, императрицы посад [Су Тяньцзюе, гл. 70, с. 1014–1016]. По мнению Л. Кларка, турфанские тексты свидетельствуют не о принятии Бюю-каганом новой для него религии, а только о его утверждении (affirmation) в манихействе [Clark, 1997, с. 102].

Кроме имени Талас (он же Паньгуань-тегин, Чжунчжэнь-каган, 789–790 гг.), о среднеазиатских корнях уйгурского манихейства свидетельствует еще один факт. Вероятно, в конце VII в. еще один двойник семиреченского Таласа и бухарского Пайкента существовал и в Уйгурском каганате на пути из Ордоса в ставку уйгурского кагана. В китайском дорожнике [Оуян Сю, 436, с. 804, л. 156] название уйгурского Пайкента передано иероглифами С2740, 5728 мэй цзянь. В географических транскрипциях знак цзянь (<kan>) обычно передавал среднеазиатский термин кент “город”. Первый же знак мэй (<tpj>) “брювь” информативен и должен напоминать о “базаре Луны” в Бухаре. Наряду с ребром, луком или изогну-

тым пальцем, “бровь” также была символом нарождающейся луны, месяца (ср. кит. мэй-юэ “бровь-луна”, “молодая луна”). Поэтому название Мэй-цзянь не только передавало слово Пайкент, но и значило “Луноград”, “город, жители которого почитают Луну”. Обозначение Пайкента знаками Мэйцзянь было призвано, таким образом, сразу ознакомить читателя с манихейством Пайкента. Транскрипция названия Галас знаками До-ло-сы (*tâ-lâ-sie*) подобной информации не содержит. Более того, название До-лосы со-провождено здесь не словом чэн “город”, а шань “гора”, но само повторение среднеазиатской пары Бухара – Галас на южной границе Уйгурского каганата нельзя принять за случайность.

Кыргызы

Из имеющихся письменных известий о связях западных тюрков и тюргешей с народами Саяно-Алтая приведем несколько фактов, имеющих отношение к теме. В 568 г. каган западного удела Тюркского каганата Дизабул (*Силэзбул-Сирджибун*), близким и доверенным лицом которого был манихей по имени Маниах, в знак удачного завершения тюрко-византийских переговоров подариł послу Византии девицу из народа кыргызов – херхис [Менандр, 1861, с. 370–375]. В 638 г., когда происходило разделение племен и территории западнотюркского каганата на две части с границей по реке Или, в юрисдикции одного из каганов оказались владения Цзююэши, Бома, Цзэгу, Басмыл и др. [Ду Ю, гл. 199, л. 7а]. Транслитерация С8308, 9967, 8748 Цзююэши (<*kiwat* - *jiwat* - *śiet*>) соответствует названию области Юрюши в долине реки Эжим (кит. Ань *<a>-iam*; тюрк. Ajam). Здесь был найден рунический памятник манихейского содержания (E, 45). Китайское название Бома (буквально “Песчанье/Песчаный”) Китайское название Бома (буквально “Песчанье/Песчаный”) находят аналогию в отиц оулан “тридцать юношей” (т. е. воинов-огланов, посланных Первочеловеком на борьбу с силами Мрака?) находит аналогию в отиц ег “тридцать мужей-воинов” енисейских текстов (например, E, 32 на левом берегу реки Уйбат, выше впадения реки Бей). Его точной китайской калькой-переводом является саньши жэн “тридцать человек/мужей”. Когда император Гао-цзун (650–684 г.) совершил жертвоприношение у горы Тай в 664 г., вместе с ним был карлук-манихей в сопровождении “(около) тридцати человек” [Лю Сюй, гл. 194а, сан-тигул ыдук-кут].

В начале VIII в. этот регион или его часть входили в состав манихейского Тюргешского каганата. “Я умер внутри Тюргешского эми” Каракана (т. е. “кагана черной фамилии”), говорит герой третьего памятника с Тубы (E, 37). Сочетание *qara qan* отмечено в тексте первого памятника с Уйбата (E, 30), в дельте которого обнаружено не менее одиннадцати манихейских монастырей [Кызласов, 1999, с. 17–18]. Этноним *тиргеи* закоепился в названии сеока *тиргеи* в составе алтайцев [Баскаков, 1965, с. 9]. Название Аргу встречено в енисейских надписях в виде *Tängir* (Tängri) Arqu el (“Божественное государство Аргу”), Arqu, Arqi [Беккан, 2001, с. 476–483]. По всей вероятности, другим его обозначением в енисейке было *tängri el* “божественное/небесное государство” (E, 3; E, 14; E, 15). Манихейское имя Сакал/Сакла сохранилось в названии алтайского сеока *сагал*. Сан кара-чор закрепился в названии волости *Карачёр* (XVII в.) и в названии рода кара-шор [Потапов, 1969, с. 136]. В хронологически нечетком сообщении летописи сказано: “Когда уйгуры стали понемногу слабеть, ажо (ынал) объявил себя каганом. Его мать была docherryю тюргешского [кагана]; он сделал ее [вдовствующей] катун. Его супруга была дочерью карлукского ѹабу; он сделал ее катун” [Оуян Сю, гл. 2176, с. 1531, л. 126]. Напомним, что карлуки были шир-карлуками, в событиях 709–711 гг. их возглавлял шир-иркин, иначе арслан-иркин, т. е. они были тоже манихеями.

В манихейской терминологии енисейских рунических памятников повторяется часть таласско-манихейской (ынал, ѿгэ и др.). Название консорции отиц оулан “тридцать юношей” (т. е. воинов-огланов, посланных Первочеловеком на борьбу с силами Мрака?) находит аналогию в отиц ег “тридцать мужей-воинов” енисейских текстов (например, E, 32 на левом берегу реки Уйбат, выше впадения реки Бей). Его точной китайской калькой-переводом является саньши жэн “тридцать человек/мужей”. Когда император Гао-цзун (650–684 г.) совершил жертвоприношение у горы Тай в 664 г., вместе с ним был карлук-манихей в сопровождении “(около) тридцати человек” [Лю Сюй, гл. 194а, сан-тигул ыдук-кут].

с. 1440, л. 9а]. Древнетюркский термин *ег* нередко означал главу племени и был его символом (напр., тоиз *ег* “девять мужей”, то-куз-огуз; *jeti egen* “семь мужей”, семь племен огузов). Их китайскими соответствиями были *цэю син* “девять фамилий” и *ци син* “семь фамилий”. По этой причине сочетание отуз *ег* “тридцать мужей” должно соответствовать китайскому *саньши син* “тридцать фамилий-племен”, т. е. Манихейской консорции в составе племени или объединения [иначе: Chavannes, 1912, с. 84; Bombaci, 1971, с. 117; Rybatzki, 2000, с. 228]. Сочетание отуз *tatar* (<*otuz-*er* tatar; КГб, 14) соответствует китайскому саньши син дада [Се Цзунчжэн, 1992, с. 445; саньши син си-кай], что значит не “тридцатиплеменные татары” или “татары, состоящие из тридцати племен”, а “татары, имеющие Манихейскую консорцию отуз *er*”, татары-манихеи. Последнее подтверждается названием *са`ан* *tatar* “белые татары” [Сокровенного сказания] [Poucha, 1956, с. 31, 57], “са`ан алчи-татары” тех же документов [Ван Говэй, 1959, III, с. 642, 794–795]. Известны также саньши син басими “басмылы, имеющие консорцию отуз *ег*” [Schlegel, 1896, с. 27–28: “сорок племен басмылов”; Камалов, 2001, с. 180: “басмылы 40 фамилий”]. О басмылах Бешбалыка известно также, что их предводитель, ашинец, носил титул *ылдук-кум* (БК, 25), обычный для манихейских правителей Турфана [Арат, 1963, с. 150–157; особенно: Rybatzki, 2000, с. 253–255, 269–271]. Горский Бильге-каган в одном из текстов назван саньши син Кэхань “каган, имеющий манихейскую консорцию отуз *ег*” [Цзянь Чжунмянь, 1958, с. 809–825]. Первая строка надписи Коль-Тегина начинается словами Бильге-кагана, обращенными к высшим чиновникам государства. Последние знаки строки обрываются на слове отуз... В китайском переводе надписи Цзянь Чжунмянь использовал здесь сочетание саньши син [Цзэн Чжунмянь, 1958, с. 878, 889]. Изложенное побуждает реконструировать недостающий знак и читать последние слова надписи отуз *ег*. В 724 г. император Сюань-цзун устроил пышный прием для представителей разных стран. Среди приглашенных упоминаются

“мудрые правители (сань ван) левой и правой сторон” с консорциями саньши син (отуз *ег*) [Лю Сюй, гл. 23, с. 272, л. 12а–б]. Выражение сань ван “мудрый правитель” берет начало в социальной терминологии древних сюнну, оно обозначало наследников престола. В VI–VIII вв. летописцы использовали его только по отношению к восточным туэзюе-тюрокам.

Позднее образ отуз *ег* и саньши син преобразился, стал расплывчат. “Уйгуры полагают, – пишет Джувейни, – что начало их порождения и размножения было на берегах реки Орхон (Аргон), истоки которой в горе Кара-Корум... и тридцать рек из нее вытекают, на каждой реке жило другое “племя” [Радлов, 1893, с. 56; Juvaini, 1958, I, с. 54]. Далее говорится, что их предком был Буку-хан [Bügg; Pelliot, 1930, с. 22]. Й. Маркварт видел в этой личности исторического Бэгю-кагана, обратившего уйгуров в манихейство [Marquart, 1912, с. 466–7]. Согласно китайской версии, возышению Буку-хана сопутствовало присутствие тридцати (вариант: сорока) мужей-правителей и обретение титула Юрюнг-дигин [Сун Лянь, гл. 122, с. 1425, л. 1а–б; Су Тяньцзюе, гл. 28, с. 325; Хуан Вэнъби, 1983, с. 462–3].

Основатель первой династии Тюркского государства до интранациации был тутуком-военноуправляющим Григалаасского округа и городка Балу, известного с 658 г. и сохранившегося до времен Махмуда Каиштарского (XI в.). Отсюда же были его сын и наследник Сакал/Сакла. Оба они были носителями церковного сана *йузлик* (“обладающий сотней-йуз”, “предводитель сотни”) и каганами первой династии. Как говорилось выше, слово Балу символизирует некую принадлежность к божественной/небесной сфере. О том же свидетельствует и использованный китайцами для обозначения их династии термин *хуан* (“золотисто-желтый”, “императорский”), свойственный для китайских императоров – Тяньцы (“сыновей Неба”). Оба тюркеские династии были, судя по сану-имени *Йузлик* (jūzlig), предводителями Манихейской консорции *jūz eg* “сто мужей”. Их резиденцией (Великой ордой) считался город Суйаб в долине реки Чу. Тюргепи “черной фамилии”, иначе кара-торгепи,

базировались в Таласской долине. Их центром в первые два десятилетия существования Тюргешского государства были город Талас и его округа. В текстах Таласских памятников их манихейская консодрия “школа” называлась отуз оғлан “тридцать юношей”.

Несмотря на “таласскую” общность происхождения, обе консодрии находились в неком противостоянии. Сразу по кончине первого общетюргешского династа (706 г.) и интронизации Сакала, также йузлика, это противостояние приобрело воинственный, откровенно враждебный характер. Предводитель талассских караторгешей Чжэ́ну, будучи не в состоянии собственными силами занять трон в Суйабе, обратился за военной поддержкой к восточнотюргешскому Капаган-кагану. В 708 г. была проведена военная кампания восточных тюрков в Семиречье. Но тюркские воины направили своих коней не в Чуйскую долину, а на караторгешей Таласа и нанесли им жестокое поражение. Ситуация повторилась в 738 г., когда вызванные представителями династии “хуан”-тюргешей воинские соединения из государства Тан, Дерганы, Чача, Кеша и других владений разгромили войска караторгешских каганов и в Суйабе, и в Таласе.

Области Саяно-Алтая входили в число владений Тюргешского каганата. Сходная картина была и здесь. О поражении

консодрии отуз ег “тридцать мужей” говорит мемориант надписи из левобережья Енисея в восточном углу Коibalской степи (Е, 27, стк. 6): qadir jaýida otuz erig ölürtüm – “в жестокой войне я убил “тридцать мужей”. От имени Тархан-сангуна, погибшего

вместе с возглавляемой им консодрией отуз ег говорится в третьем памятнике на левобережье среднего течения реки Уйбат (Е, 32): otuz er başlaju tutuça bard[im] adırildim – “во главе тридцати мужей” я вступил в схватку – и разлучился”. Расставаясь с консодрией jüz qadaš “сто сородичей” народа altı[bay] “шесть [уделов]”, кальктык (?) ынал-оғыя сообщает: jaýida otuz er ölürdim – “из врагов я убил “тридцать мужей” [Кормушин, 1997, с. 60–63, 99–117, 169–174]. Эти памятники находились или находятся до сих пор на территории Тувы.

В 1915 г., во время поездки в Северо-Западную Монголию, Б. Я. Владимиров обнаружил в долине реки Тэс небольшую надпись, исполненную тюркским руническим письмом. Она была высечена на гранитной скале между рекой Тэс и горой Хундуин на правом берегу реки. Надпись состоит из одной строки и двух четверьмя лучами”. В 1969 г. и в 1973 г. надпись снова обследована С. Г. Кляшторным. Он опубликовал не увидевшие в свое время свет материалы и перевод надписи, сделанный Б. Я. Владимировым. Надпись вырезана необычно: вверх ос нованиями знаков. По некоторым данным в палеографии надписи заметно влияние енисейского рунического письма. Одна из тамг в тексте типологически подобна одной из трех каганских тамг уйгурской династии, зарегистрированной на памятнике Элгемши-кагану в Могойн Шине усу. “Тамга, расположенная ниже надписи, входит в круг знаков енисейских кыргызов, однако ее связь с надписью недоказуема”, – пишет С. Г. Кляшторный. Он предложил свой вариант прочтения надписи и перевода, отличный от таковых у Б. Я. Владимирова.

Владимиров – (a)lpr (a)şun tiňk (a)lpr (a)şun b(i)t(i)d(i)m.
 (y)z(y)n b(a)rt(y)m
 – “Геройский Шун (Шон, Ашун, Ашон); [тамга]; турецкий геройский Шун (Шон, Ашун, Ашон) написал я; весной ходил я.”
 Клашторный – alp šul [тамга] türeş alp šul bitidim äsän olurum – “[Я], Алп Шул [из рода с этими тамгами]. Я, Тюреш Алп Шул, [это] написал. Я пребывал [тогда] здоровым (невредимым) (вариант: я сидел тогда эсеном)”.

“Таким образом, – пишет С. Г. Кляшторный, – наиболее вероятная датировка надписи возможна в пределах второй половины VIII в., она может быть отнесена к лицу из рода уйгурских каганов (рода Йаглакар) [Кляшторный, 1978, с. 152–155].

По степени высокой исторической информативности эта краткая посетительская надпись уникальна и может превзойти иную многострочную. Судя по воспроизведенной в статье С. Г. Кляш-

торного (с. 153) фотографии, рунические знаки надписи (их 21) для создания контраста на фоне камня и удобства фотосъемки были пробелованы. После первых пяти рун в начале строки следует тамговая композиция (рис. 1а, б), состоящая из знаков (1а) и под ним (1б). Знак – (1а) – это младенческая лялька с двумя растигнутыми по сторонам веревками для ее подвешивания под весенними березами. Кривая линия, соединенная вверху (или на изображениях виньзу) с люлькой или веревкой, – это трубка-“соска”, закрепленная в зарубке на березе, “чтобы березы сладкий сок бежал по трубке в рот сынику”. Наконец, знак (1б) – это сделанный из обработанной кипики мочеотвод – “тюлек”, по которому детская моча стекает в кожаный мешочек. Такова семантика тамговой композиции 1а, б.

Изображение детской люльки (1а) действительно имеется в тамговой композиции памятника уйгурскому Элгетмиш-кагану (рис. 2а, б, в; здесь 2а) [Ramstedt, 1912, taf. II]. Знак (2б) – это ромб острым концом вниз, вселенский половой символ женщины-роженицы, встречающийся повсеместно [Антонова, 1984, с. 142–144]. Самым близким и показательным свидетельством такого значения “ромба” может служить ромб в том же положении с нарождающимся внутри него копытным животным в ноинулинской коллекции рубежа эр [Руденко, 1962, с. 78, 80, рис. 576]. В уйгурской композиции слева от “ромба” стоит серп молодой луны (рис. 2а) – космологический двойник женщины, катун-царицы, рождающейся и катун. На другой стороне навершия вырезан большой круг полной луны – жилища божеств – очистителей Души живой, посредника между Светом и Мраком, где праведная душа манихейца освобождалась от земной скверны [Смагина, 1998, с. 450–451]. Композицию навершия можно рассматривать как продуманный и целостный образ манихейской катунской консорции. Но сочетание “ромб” – “люлька” (2б+2а, 2б+1а; женщина + младенческая лялька) было достоянием не только памятника Элгемишу. По частному сообщению С. Харжаубай-улы, оно встречено в Шивет-Уланском погребальном комплексе, в надписи на скале Бичигт-бүд (Гоби-Алтай), среди тамг на скале Тайхар-чулу (Хойт-Там-

рын), Байшин-Даур и в других местах. Словом, оно характерно не только для уйгурского памятника, а отражало явление, присущее разным этническим коллективам.

Редкий случай: имя-титул героя посетительской надписи занесено в раздел о кыргызах китайской летописи. Древнетюркский термин алр “меткий стрелок”, “храбрец”, “отважный” записывался иероглифом C1925 хэ (<тар). Слово sol “левый” записывалось C14346 су (<suo) и цэу (<t'suo). Хэ значит “отважный”, со значит “левый”, т. е. “отважный стрелок с левой рукой”, – говорится в Новой редакции “Истории династии Тан” [Оуян Сю, гл. 2176, с. 1531, л. 12а; Бичурин, I, с. 356]. Их было два. “Прозванием” первого было Габу (<t'ар-рио <тариу; ср. тару “служба”, “служение”, в том числе “служение богу”). Другой – C567, 1992 Чжу-у (ts'и-нгуо<сиngü; ср. тюрк. sünge “пика”).

В 821 г. супругой-катун уйгурского кагана стала дочь танского императора Сянь-Цзуна (806–820 гг.) по имени Гай-хэ. Установление брачных связей между уйгурским каганом и императорским домом Ли предполагало, среди прочего, налаживание политической и военной взаимопомощи брачивающихся сторон. Гай-хэ пережила трех последовательно сменивших одного за другим каганов и сохранила исключительное положение в государстве до последних дней его существования. В 839–840 гг. в стране уйголов случился страшный джут и массовый падеж скота; голод и разыгравшиеся эпидемии унесли значительную часть населения, начались междоусобицы. Это была катастрофа государственного масштаба. Последний удар был нанесен енисейскими кыргызами. Согласно китайской летописной традиции, кыргызы считались потомками ханского генерала Ли Лина, сдавшегося в 99 г. до н. э. соннускому шаньюю и посланного управлять енисейскими кыргызами. Таким образом, кыргызов и Танских династов из дома Ли якобы объединило фамильное родство. Победным рейдом 840-го года кыргызы захватили и сожгли золотую орду – ставку уйгурского Илаглакара-кагана. Каган был убит, а Гай-хэ оказалась в руках кыргызов. Чтобы легитимизировать свои права над завоеванным народом и страной,

правитель, согласно традиционным установлениям Степи, должен был жениться на вдове побежденного. Но кыргызские правители считались потомками ханского генерала Ли Лиа и, следовательно, носили, как и династия Тан, фамилию Ли. Этот “кровосмесительный” брак был невозможен, и кыргызский каган решает препроводить Тай-хэ в Чанъянь, лишь тем самым уйгуров единственной оставшейся надежды на военную помощь со стороны Тан.

С этой целью в 841 г. кыргызы направляют в танскую столицу посольскую миссию во главе с Дулюйши Хэ (<тио-ливо-sie χαρ <*töliš alp). На пятый день пути экспедиция была перехвачена оставшимися уйгурами во главе с новым каганом Уззе. Весь эскор特 китаянки был перебит поголовно, а она снова оказалась в уйгурской среде теперь уже в качестве супруги-катун нового уйгурского кагана.

Больше года кыргызский каган ждал возвращения посольства. Оставаясь в неведении о случившемся, каган отправляет новое посольство. Его возглавляет Талуг Алл-Сол.

В 10-й луне 842 г. (6 ноября – 5 декабря) в укрепление Тян-дэ прибывает кыргызский посланник с письмом от кагана. Он сообщает, что кыргызы не имеют известий о посольстве Дулюйши Хэ (Голюш-алп) и принцессе [Супруненко, 1963, с. 63]. Дальнейшая судьба посольства неизвестна. Судя по изложению событий, в танской столице он был, но домой не вернулся.

Сведения о начале третьего посольства во главе с Сюнгю Алл Солом расходятся. Известно только, что он лишь на третий год странствий смог добраться до танской столицы.

Здесь время вспомнили о продолжении строки надписи Тэ-синская II. После словоразделителя она читается:

(а)lp sol b(i)t(i)d(i)m. t(e)z(i)p b(a)rt(i)m – “Я, Алл Сол, (это) написал. Я убежал (из плена; дословно: “Я, убегая, шел”). Общий перевод строки: “(Я) Алл Сол из рода (тамга) топек. (Это) я написал. Я убежал [из плена]” [ср.: Кызласов, 1994, с. 192].

В Чанъяне были рады обретению удобного (из-за отдален-

ности) и сильного союзника в борьбе с уйгурами. Сюнгю Алл Сола приглашали во внутренне покой дворца, на приемах ему предоставляли место выше других послов. В его гостевое подворье направили высокообразованного сановника Вэй Лэндуна и придворного живописца Люй Шу, “чтобы устроить неофициальную встречу, разузнать сходство и различие, подробно изложить недостатки и упущения, описать наглядно звуки [языка] иноzemцев, записать расположение гор и рек”. Им поручили составить иллюстрированное сочинение – альбом “Ван хузай ту”. Министр Ли Даэй докладывал императору: “Я велел живописцу Люй Шу написать портреты Чжу-у Хэ-су с другими и поместить перед описанием. Одновременно я, не рассчитывая на поверхностные сведения, написал предисловие” [Ли Даэй, 1936, кн. 1, гл. 2, с. 12; кн. 2, гл. 18, с. 152; Супруненко, 1963, с. 71, 79].

Имя Алл Сол встречается еще раз в надписи на Городской стene (Е, 144): “(Я-) Алл Сол. Когда уничтожается греховное (букв.: низкое)...” [Кызласов, 1994, с. 191]. Оба героя (Талуг Алл Сол и Сюнгю Алл Сол) были посланниками кыргызского кагана, иначе – “кагана Света” (см. ниже), воюющего с уйгурским каганом – Манихеем, который в глазах кыргызов представлялся воплощением сил Тьмы. Не исключено, что в самой от правке послов и в их титулах отражен сюжет о войнах Света, от правленных на сражение с силами Тьмы.

С. Г. Клашторный отметил “кыргызизм” в некоторых чертах палеографии надписи и встречаемости в енисейке расположенного под ней знака [Клашторный, 1978, рис. 6]. В рисунке на скале Дзурдзин-ова (Завханский аймак, Монголия) этот знак помещен рядом с отмеченной и в надписи Алл-сола младенческой лялькой (рис. 8). Легко узнаваемое его изображение содержится в танском “интенданском реестре тамг”, сохранившемся в сочинении “Тан хуйю”: “Кони от та-ашидэ; их тамга ” [Ван Пу, гл. 72, с. 1307].

В этом реестре среди 43 названий племен три обозначены словом (транскрипцией) С5042, 11010, 5312 а-ши-дэ <a-sí-ták

<aštaq~aŋtak [Pelliot, 1929]. Оно восходит к среднеперсидскому 'сүдх'к ~aždahak ~аждахак "дракон" и не имеет этнического значения. Как сказано выше, дракон с головой льва – это царь мира Мрака и Материи в манихействе, и его присутствие в составе названия того или иного тюркского этнического коллектива того времени свидетельствует о манихейском вероисповедании последнего.

Первая часть транскрипционного бинома С5834 та (<t'at') соответствует среднеперсидскому tat (тат). Этот термин также не имел конкретного этногеографического адреса. Татами называли персов, когда их нужно было отличить от курдов, арабов и тюрков [Оранский, 1963, с. 122–123]. Широкое распространение этого обозначения и его характеристика расмотрены в ряде исследований [Minorsky, 1937, с. 408; Pelliot, 1950, с. 155; Савина, 1980, с. 143]. Тюрки Центральной Азии называли татарами жителей многочисленных согдийских торгово-ремесленных колоний [Клашторный, 1964, с. 122–123]. На текущую связь согдийских колоний с тюрками-кочевниками указывают слова из памятника Бильге-кагану: "Сердечную речь мою вы [все] до сыновей [народа] "десяти стрел" и татов... ведайте!" (БК Хв, 15). В XI в. тюрки еще помнили пословицу: tatsız türk bolmaz, başsız böرك bolmaz – "Нет тюрка без тата, как нет шапки без головы" [МКМ, II, с. 326; ДГС, с. 541]. Татами называли и самих тюрков, и уйгуров на западе от Бешбалыка [МКМ, I, с. 446–447]. Таким образом, говорить что-либо определенное об этноязыковом облике тат-аштаков данного документа затруднительно, хотя сам термин *aŋtak* характерен только для тюркской среды. Общим для отмеченных памятников является лишь тамга . Судя по использованию здесь термина *aŋtak*, это изображение относится к разряду манихейской символики, возможно, в данном случае берущей начало в зороастрийской, как и многое в манихействе.

Третья строка второй надписи Золотого озера (Е, 29) в прочтении И. В. Корфумшина содержит слова, которые можно было

бы поставить эпиграфом настоящего параграфа: Азги[а] alqanip erden[]l]ig män – "...воздав хвалу [богу] Зурвану, я вновь обрету доблесть!" [Корфумшин, 1997, с. 66–74; ср. Васильев, 1983, с. 25]. В иранской мифологии Зурван (~Зерван, солд. 'zrw') – верховный бог. Он мыслился как бесконечное время, существующее изначально, отец Ормазда и Ахримана, более могущественный, чем Добро и Зло. Исход борьбы Добра и Зла, человеческие судьбы и все происходящее в этом мире предопределено Зурваном [Бойс, 1987, с. 84–87]. Перечисленными качествами он наделен и в манихействе. Зурван – бог Величия, Отец Света, бог Истины, абсолют, безмерное непостижимое и незримое божество, прародитель всех светлых сущностей. В китайской манихейке он назван словами С8414, 492 Да Шэн "Великий Святой". В китайском трактате Прославлен Света (Мани) говорит священнослужителям, что Да Шэн един для трех миров, он универсален для всего живого, он отец и мать сострадания; он великий проводник в трех мирах; он лекарство для страждущих душ; это верхнее небо как оболочка для всего сущего; он также и истинная земля, производящая истинные плоды; он и великое море сладости для всех живых; он же широкая, великая, благоухающая гора Драгоценностей; это и драгоценная алмазная колона, поддерживающая все; он великий, искусный и ловкий капитан в огромном море; он и готовая всегда помочь сочувствующая рука для оказавшихся в беде; это центральная сущность среди всех светлых сущностей; это Врага Света (т. е. Учения), освобождающее из крепких тюрем трех миров [Chavannes, Pelliot, 1911, с. 557, 586, 592–593, 607].

В тюркское манихейство Зурван (Азруа) вошел как самая значительная фигура пантеона. Раскаиваясь в своих прегрешениях, манихеи-мирянин говорит в молитве: "И так как мы грешим и ошибались против основы и корня всех светлых душ, против чистого и светлого бога Зурвана (Азруа); так как [мы говорили], что Свет и Тьма, боги и демоны, основа и корень – это он [Зурван]; так как [мы говорили], что если [кто] оживляет, то

[оживает] бог [Зурван], а если [кто] убивает, то убивает бог [Зурван]; так как мы говорили, что все хорошее и плохое – все создал бог [Зурван]; так как мы говорили, что он [создал] венчных богов; так как [мы говорили], что бог Хормуста и [демон] Шымна – младший и старший братья (*imili içili*); о мой боже, не понимая этого [в сердце своем], в отношении бога [Зурвана] должно мы столь значительные слова говорили” [Хустуанифт, 21–24; Astmussen, 1965, с. 168–169, 193–194].

Судя по тюрко-манихейским текстам из Турфана, бог Зурван неким образом соотносился с понятием *qid* “благо”, являясь центром страны богов, т. е. страны Света [Zieme, 1972, с. 31, 49]. Первой печатью (турк. *tamta*) бога Зурвана была амраннац любовь [Хустуанифт, 141].

Героем второй надписи из Кызыл-Чираа (Е, 44) является Кюлюг-Тоган, сын Арслан-Кюлюг-Тирига (стк. 6). Гермин *тифэц* значит “жизнь”, “живой”. В манихействе понятия “жизнь”, “живой” присущи только Свету, они чужды Мраку и испльзываются как равноценные понятия Свет и благо [Смагина, 1998, с. 405]. В “[кі jiltiz nom” бог Луны назван *ölügüg tiligügli beg ay tengri* – “оживающий (воскрешающий) мертвых властитель Айтегри” [Ле Соо, 1912, с. 24]. Арслан “Лев” – это голова дракона Аштака, царя мира Мрака и материального мира. Прощание с Солнцем и Луной выделено словами: *kün aj siz jüa* – “Вы, Солнце и Луна, о горе!” (стк. 3). В манихействе культ богов Солнца и Луны – особый. Они сотворены Духом живым, это единственые светлые сущности, видимые в материальном мире. На Солнце живут боги-демиуриги, на Луне – боги-очистители Души живой.

Солнце и Луна служат единственными вратами, через которые души праведников попадают в страну Света. К ним были обращены ежедневные (по четыре раза) молитвы Иэбраников (*dintar*) и Слушателей-аудиторов (*nijošak*).

Отступление о Солнце и Луне. Культ Солнца и Луны свойствен большинству народов мира. В письменных известиях о народах Центральной Азии он известен со времен сюнну. При-

мерно в 167 г. до н. э. сюннуский владыка-шаньюй Даошан направил ханьскому императору дощечку-грамоту, начинающуюся словами: Тянь ди сошэн жи юэ сочки сюнну да шаньюй – “Рожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной великий шаньюй сюнну” [Сыма Цянь, гл. 123, с. 1037, л. 166].

В этом титуле четко проступает соотнесенность Небо~Солнце, Земля~Луна, символизирующая равнопорядковое их положение в космосе и аналогичное положение мужской (“шарской”) и женской (“царицынской”) фрагций в составе династийной коалиции в государстве как минимодели космоса их соправления. Она отражает состояние семьи, находившейся в стадии переходного периода, о чем говорилось в предыдущих разделах. Такое положение сохранялось многие столетия. Каганским (“шарским”) родом племени апина (“голубое [Небо]”) в восточнотуркских каганатах был шардулы (“Солнце-птица” и “Солнце-олень”). Кагунскими (“царицынскими”) были цифры [“лев полной луны”; выражение Э. Церена, 1976], возглавлявшие племя алтак, т. е. элизов, потомков гинекократического лунного племени и государства Юэжики. Сказанное о сюнну в значительной мере применимо и к характеристике общества восточных тюрков, которое к тому времени еще не миновало стадию “братьской семьи” и не было озnamеновано господством семьи патриархального типа. Поэтому самовеличание Бильге-кагана “Неборожденный” можно воспринимать лишь как призыв и попытку утвердить так и не состоявшееся каганскоe моноправление (только Небо и Солнце).

Словом, Солнце и Луна (~каган и катун) существовали в космическом и земном сознании восточных тюрков как конфликтующее и раздельное, но равнопорядковое двуединство.

В тюрко-буддийских текстах совместное упоминание Солнца и Луны (*kün aj*) лишено генеалогического смысла [Bang, Gabain, 1931, с. 333; Bang, Gabain, Rachmati, 1934, с. 159]. Также в тюрко-манихейской литературе и иных источниках, содержащих известия о тюркском манихействе. Выше уже говорилось о китайской передаче этонимов читиль (кит. чуюэ “местожительство [бога] Луны”, *cüngül*) и чумул (кит. чуми “местожительство [бога] Солнца”), возможно,